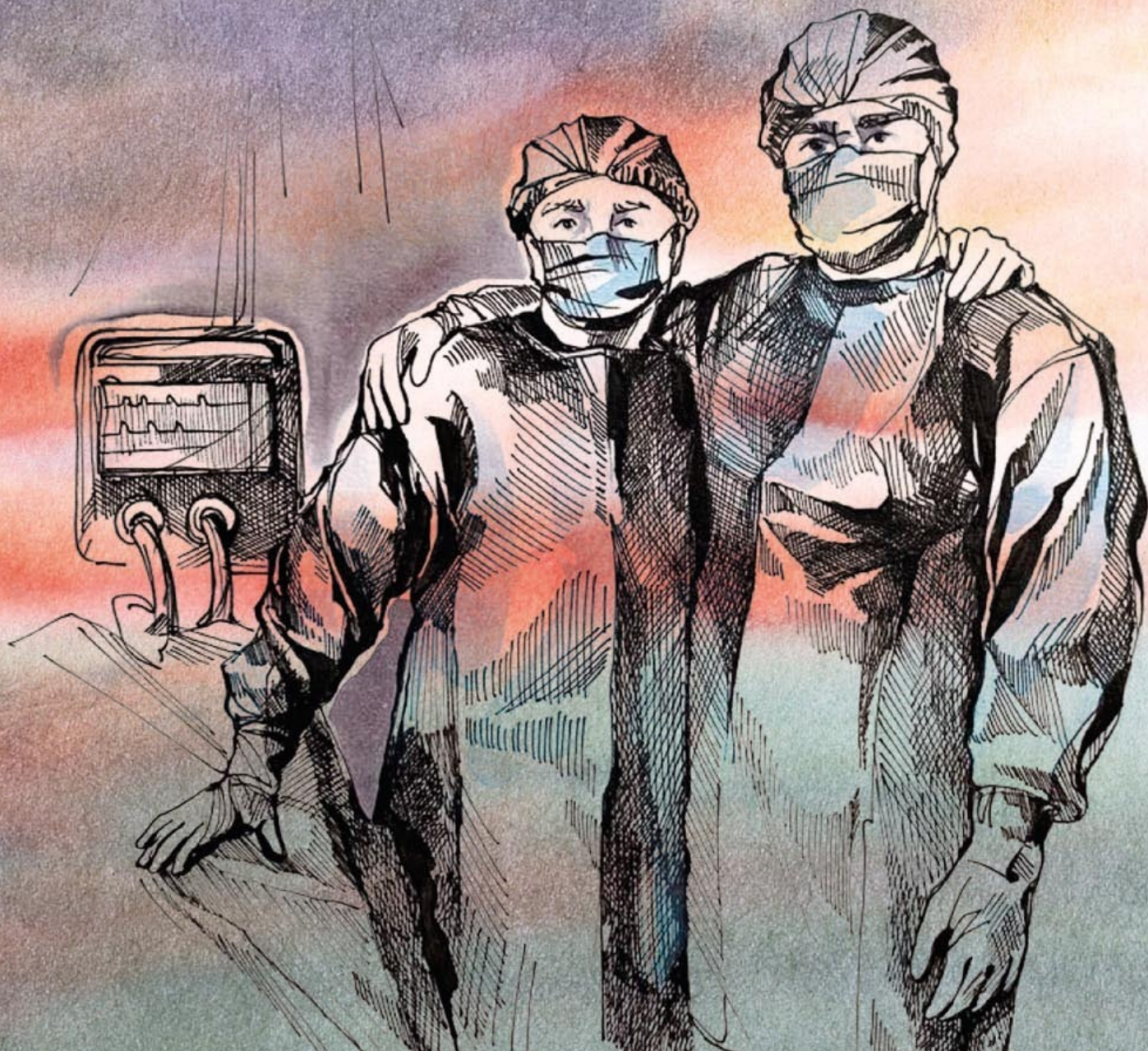

Слово Донбасса

Дмитрий Чуркин

ДЕНЬ СПРАВЕДЛИВОСТИ

Слово Донбасса

Дмитрий Чуркин

День справедливости

«ВЕЧЕ»

2025

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

Чуркин Д. В.

День справедливости / Д. В. Чуркин — «ВЕЧЕ», 2025 — (Слово Донбасса)

ISBN 978-5-4484-5485-1

В дебютную книгу военврача Дмитрия Чуркина вошли рассказы, написанные в разные годы лихолетья, обрушившегося на многострадальную землю Донбасса весной 2014 года. Говорят, профессия накладывает свой отпечаток на мироощущение человека. А уж врачу, тем более военному, и вовсе суждено быть жестким и мало восприимчивым к обычным человеческим чувствам и переживаниям. Так вот, у Дмитрия Чуркина всё не так! Его рассказы буквально пронизаны, как солнечными лучами, добротой, сопереживанием и острым чувством справедливости к людям и их судьбам, с которыми автору пришлось столкнуться. Будь то оглохший от баротравмы солдат или маленький мальчик, потерявший в одночасье всю семью под вражеским обстрелом.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-4484-5485-1

© Чуркин Д. В., 2025
© ВЕЧЕ, 2025

Содержание

Колодец желаний	6
День справедливости	15
Конец фильма	19
Корабль мечты	22
Один день	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Дмитрий Чуркин

День справедливости

© Чуркин Д. В., 2025

© ООО «Издательство «Вече», 2025

Колодец желаний

I

Конец августа две тысячи двадцать третьего года. Когда-то давно, в школьные и студенческие годы, в это время города и поселки готовились ко дню независимости государства, которое сейчас подло и увлеченно пыталось уничтожить здесь всех, до кого было способно дотянуться. Ратник, вспоминая то время, грустно говорит про праздник отсутствия праздника. Обычно в этот день те, кому по роду деятельности полагалось изображать казенную радость, наряжались в расшитые маками вышиванки и вымученно выдавливали из себя поздравления на чужом языке. Потом, пытаясь скрыть виноватый вид, они же по ведомости загоняли бюджетников в прохладный зал Дворца культуры, украшенного фресками с шахтерами, хлеборобами и беспечными школьниками-комсомольцами. Там детишки из хоров и танцевальных ансамблей старались хоть как-то скрасить бесцельно проводимое взрослыми время. В программе концертов живые танцы и песни обычно чередовались с нудным официозом, исполняемым заунывным голосом под треньканье бандур. Зрители с задних рядов в такие моменты старались выбраться курить в туалет, отдельным счастливым везло просочиться мимо всевидящих глаз начальства и ускользнуть домой. Выбравшись на улицу после окончания концерта, многие шли смыть с души пережитое. Вообще в этот день пили много, случалось, что до салюта, которым обычно завершали вечер, скорая и милиция успевали как следует поработать, поэтому следующий день у них обычно был выходным.

Я в этот день обычно помогал родителям выкапывать картошку, которую сперва тонким слоем рассыпали на огородной меже, а потом засыпали в высокие ящики в подвале дома. Отец каждый год повторял, что уйти из города, чтобы сделать запасы на зиму, дело нужное, и мне нравилось проводить этот день именно так, несмотря на засушливую жару. Чтобы свести концы с концами, наша семья, как и многие другие, была вынуждена засаживать огород, урожая хватало примерно до середины весны, разнообразие хранящихся в подвале консервированных салатов отражало как фантазии хозяек, так и их представление о кухнях мира. Особенно удачные рецепты, известные по имени автора (салат-тройничок от Марии Степановны, кабачки морские от Аллы Петровны), тщательно записывались в специальные блокнотики и служили объектами информационного обмена.

Земля, уже несколько недель не выдавшая дождя, сыплет пылью, через несколько часов ею покрыты лицо, руки, бывает, что, если сильно войти в рабочий азарт, то и спина. Мы с отцом копаем, стараясь работать синхронно, мать выбирает из земли клубни, складывая их в выщербленное эмалированное ведро.

Начинаем с рассветом, на соседнем участке тем же занят сосед – старый шахтер, он копает в одиночку. На нем штаны с кожаными вставками на коленях, стоя на четвереньках – так легче его забитым угольной пылью легким, – он отбрасывает землю набок. Пройдя ряд, так же на четвереньках, он выбирает клубни и складывает их в прикрепленное сзади к поясу небольшое корытце.

Когда тень почти исчезает, мы останавливаемся. Мама выбирает небольшие клубни и тщательно моет их во вкопанной в землю бочке. Отец собирает на грядках желтые уже огурцы, розовые помидоры и похожий на сердце сладкий перец. Прикрепив к багажнику велосипеда пластиковый бидон, я еду через череду огороженных кустами и деревьями участков, проезжаю под мостом, по которому два раза в день стучит колесами дымный пригородный поезд. Долго маневрирую по узкой, спрятавшейся в сухой траве тропинке, щекочущей оси колес, и

приезжаю к подошве заросшего травой и кустарниками холма. Похожий на древний курган, втрое выше старых орехов, создающих перед ним густую тень, этот старый отвал заброшенного каменного карьера хранит тайное место. Объехав заросший травой скат холма и толкая велосипед, я забираюсь на плоскую вершину, там, незаметный снизу, прячется колодец. Рядом с ним вкопаны несколько скамеек, чуть поодаль на фундаменте остатки наблюдательной вышки, с которой когда-то охрана следила, чтобы во время взрывных работ в карьере не было посторонних. Потом, когда карьер остановили, на вышке в сезон поочередно дежурили огородники, стараясь вовремя заметить и отогнать воришек, собирающих урожай с чужих участков.

Колодец очень глубокий, непонятно кто и когда, а главное, почему его пробурил. Вода в нем чуть сладковатая, всегда почти ледяная, а еще в колодце живет необычное эхо, крикнешь в него женское имя, и будет оно звенеть еще минуту, а то и дольше.

Наполнив бидон водой и прикрепив его к велосипеду, я сажусь на скамейку. Вдалеке в низине, разделенный шумной трассой, лежит небольшой городок. Ближе ко мне рядами улиц белеют укрытые разноцветными крышами домики, перед которыми высятся развесистые яблони и ореховые деревья. С другой стороны шоссе тянутся давно некрашенные трехэтажные дома, разбавленные серыми пятиэтажками. Вдалеке – покрытая облупившейся оранжевой плиткой и ошетилившаяся антеннами группа пятиэтажных домов. Когда-то в этом городе готовились запускать троллейбус, кое-где даже сохранились вкопанные в землю столбы, теперь же, такие как я, молодые люди верили в то, что, когда из нашего города удастся навсегда уехать, начнется новая, несомненно, счастливая и богатая жизнь, в которой больше не будет грязных дворов и точно не будет огорода.

Быстро еду назад, мама варит очищенную уже картошку в привезенной воде, отец разрезает и раскладывает на газете овощи, зовем соседа, он неизменно, даже в летнюю жару, приносит с собой сало с прорезью. Сняв с огня казанок, на его место отец ставит небольшой чайник, после обеда прямо в кружки мама насыплет сахар и чай, зальет крутым кипятком. К чаю будут абрикосы и печенье с выдавленной на нем коровкой.

После обеда сосед ложится спать на широкой скамейке под раскидистой вишней, мы перебираем и отчищаем от остатков земли теплые клубни картофеля, раскладываем по мешкам.

Спустя пару часов, когда оставшийся невыкопанным участок начнет покрываться тенью, мы продолжим копать, стараясь успевать за передвигающейся прохладой.

К вечеру картошка выкопана, спрятана в мешки, уложена в двухколесную тележку и на раму моего велосипеда. Домой мы возвращаемся затемно. Пока мы с отцом ссыпаем картошку в подвал, размещая там же велосипед и тележку, мама греет на газовой плите два ведра воды – мы с отцом купаемся первыми.

На небе уже полная луна и звезды, когда, смыв с себя остатки дня и выпив сваренного еще утром компота, я ложусь спать, твердо обещая неизвестно кому, что когда я женюсь и появятся дети, то огорода у нас точно не будет.

II

Ближе к полудню во двор госпитальной базы, где я занимался лечением ушей, носов и горла у раненых и контуженых бойцов, прилетели две ракеты, выбив стекла первого этажа и заставив персонал почти час простоять в узком коридоре вперемежку с ранеными. Моя медсестра Инна, отбившись от тревожных звонков домашних, сидела на обитой дерматином кушетке и заполняла разложенный на коленях табель и журнал амбулаторного приема – война войной, а отчетность должна быть всегда вовремя. Потом все разошлись по кабинетам, рабочий день продолжился, о случившемся не вспоминали: к тому, что рядом может что-то взорваться, уже привыкли.

Спустя еще час, стремительно распахнув дверь, в кабинет ко мне ввалился Ратник. От него шибало моторным маслом и бензином, пот смешался на лице с пылью, на кителе и брюках тонким слоем лежала ядовито-зеленая пыльца амброзии, и все же, наплевав на чистоту свежeweыглаженного Инной халата, я кинулся его обнимать.

Почти неделю назад в самом начале ночи он привез в клинику дочь Сашу, совсем юную, только окончившую техникум связистку, не способную стоять на ногах, с заплетающейся речью, плавающим взглядом и сочащейся из контуженых ушей кровью. Единственная женская палата, в которую, как кость домино на тесный стол, мы срочно бросили еще одну кровать, находилась на третьем этаже, лифта в клинике не было. Легко подхватив дочь на руки, мелко перебирая ногами по ступенькам, Ратник побежал наверх, – я с историей болезни с трудом его догнал.

Через два часа, когда убаюканная капельницей с димедролом Саша тихонько спала, я заставил его выпить чаю с медом и лечь спать на диванчике дежурного врача – у меня ночной обход впереди, да и кушетка в приемном отделении вполне подходит под мои размеры. Дверь в кабинет я оставил открытой, спал Ратник беспокойно, без конца что-то бормотал, повторяя имя дочери. Утром, разбудив меня шлепаньем ног по прохладному линолеуму коридора, он бесшумно посидел у кровати спящей дочери и уехал, неожиданно тихий, словно ожидал от меня упреков.

Саша выздоравливала медленно, видимо, чем-то особенным ударил по пункту связи враг. За неделю она научилась ходить по коридору, держась за стену, медленно, по-медвежьи, боком, пыталась ходить по лестнице, через каждые несколько ступеней закрывая глаза, твердо отводя протягиваемую ей руку.

Она во всем была его дочь, такая же настойчивая, готовая на все, что раньше казалось ей невероятным ужасом и кошмаром, лишь бы вернуться к нормальной жизни. Она беззвучно смотрела в потолок, пока моя медсестра – я специально упросил об этом Инну – одним отточенно выверенным движением вводила иглу в ее тонкую вену, оставляла глаза открытыми, когда над головой капсула барокамеры захлопывалась и на час отделяла ее от остального мира.

Понемногу уходил звон в ушах, возвращался слух, и только речь по-прежнему оставалась прерывистой и из глаз не уходила противная пелена.

По моим расчетам, лечиться ей предстояло еще никак не меньше двух недель, потом реабилитация, а потом, хоть Саша с отцовским упрямством и твердила обратное, я в этом был абсолютно уверен, с военной службой ей предстояло расстаться насовсем.

III

– Вы сейчас очень заняты? – По горящим глазам Ратника было понятно, что предстоит что-то совсем срочное.

– Обед подождет, да и жарко на улице, выпейте пока чаю, заодно и расскажете, что затеваете.

Оказалось, что через непонятно каким ветром попавших к нам из Карелии волонтеров он договорился перевести Сашу в московскую университетскую клинику. Командование части через медицинскую службу дает отпуск для лечения, он сначала колебался, но когда сегодня прилетело, то уже не раздумывал. На мне оставался вопрос о помощи с выпиской Саши и просьба сопровождать ее до Ростова, дальше в поезде с ней поедет бабушка. И самое главное – уговорить Сашу.

Помочь лечащему врачу оформить выписку и переводной эпикриз – вопрос получаса, завтра у меня выходной, могу ехать куда захочу, а вот от последней просьбы мне стало совсем не по себе, осечки быть не должно, но как уговорить там, где отступался сам Ратник, я даже не представлял.

Я непонимающе посмотрел на Инну, которая специальной щеткой оттирала замоченные в дезинфицирующем растворе инструменты.

– Дожили, – обреченно вздохнула она, – двое взрослых мужиков, вроде бы и не совсем дураки, а не можете объяснить девочке, почему ей ехать лечиться нужно.

– Да не в этом дело, – терпеливо вздохнул Ратник, – она отсюда, от меня уезжать не хочет, боится, что вернется, а я все... И как ее уговорить, непонятно, ведь упрямая... Совсем как мать.

Быстро собравшись, оставив на хозяйстве Инну и объяснив раненым, что буду скоро, следом за Ратником я решительно шагнул из прохлады коридора навстречу потоку нагретого и пропитанного ароматом высушенной травы воздуха.

До стационарного корпуса мы дошли, прячась в тени старых тополей, в кряжистых стволах которых виднелись впившиеся, словно зубы бешеного зверя, осколки вражеских боеприпасов.

Подниматься начали бодро, к третьему этажу движение наше стало замедляться, и у двери палаты мы оба остановились.

Всех пациенток из палаты уже перевели в отделение реабилитации, Саша лежала одна на кровати у двери.

Остановив бегущий в голове по кругу монолог, я присел рядом ней.

Сначала я долго говорил Саше о том, что такое контузия, какие последствия могут развиваться в течение первых шести месяцев, а что может остаться на всю жизнь и даже со временем начать усиливаться.

Она терпеливо слушала меня, но по глазам я видел, что изнутри готов вырваться тот самый отказ, которому наплевать было на все мои научные медицинские выкладки, и строился он на простом и понятном мне тезисе – Саша не хотела оставлять отца одного, случись что, а ее рядом нет.

Я понимал этот взгляд без слов, и она это хорошо знала. Несколько месяцев назад моя дочь Маша тихо, но твердо объявила на семейном совете, что она не поедет в Краснодар, к двоюродной сестре моей жены, на год – жить и учиться в десятом классе, как другие дети. Остальные пусть едут, она же останется здесь, со мной и котом. Она выдержала все эмоциональные атаки матери и бабушки и только твердо повторяла, что она меня здесь одного не оставит. И каждый раз, когда я возвращался домой, она как бы невзначай, украдкой, мягкими кошачьими движениями ощупывала левый нарукавный карман кителя, – там хранилась вырезанная из дерева сыном и раскрашенная ею фигурка бойца, которая, по их убеждению, должна была меня уберечь.

Прокрутив в голове все возможные варианты, я выбрал один, в котором все то, что нам мешает, сможет нам же и помочь.

– Ладно, долго тебе все объяснять, Саша, да и устала ты уже от моей говорильни. Скажу просто: или ты едешь, лечишься и возвращаешься в строй, или после выписки с госпитальной базы военно-врачебная комиссия возвращает тебя к гражданской жизни. Выбирай сама.

– Это как? Меня что, демобилизуют? – Саша смотрела даже не на меня, а на Ратника.

Тот смущенно смотрел на меня, круг напряженных взглядов замкнулся.

– Ты на Владимира Ивановича не смотри, он замполит, а не врач, – нащупав брешь в обороне, пытаюсь ввести туда все имеющиеся резервы, на вторую атаку шансов нет, – если ты отсюда выпишешься, тебя отправят в ВВК¹ и там тебе объяснят, что как связист ты закончилась, пожмут руку и отдадут акт с категорией годности к службе «Д» – не годна. Не веришь мне, могу позвать начмеда госпитальной базы, здесь заключения для комиссии делают, она тебе детально и по пунктам все разложит.

¹ Военно-врачебная комиссия.

У нее мелко задрожали губы и руки, в углах глаз выступили слезы, Ратник сел рядом и неуклюже прижал к себе. Каким-то необычным, тихим и мягким голосом он даже не говорил, а нараспев шептал ей, что, главное, пусть выздоровеет, а все остальное просто мелочи. Главное – поправиться, а там видно будет, плохо ведь, когда снег на лице не тает, все остальное можно исправить. Саша всхлипывала пару минут, прижавшись к его плечу. Она казалась сказочной маленькой девочкой, уютно расположившейся на широком плече затем-то надевшего армейский камуфляж медведя, потом так же резко она отстранилась.

– Я еду, а ты, – она посмотрела на Ратника уже по-доброму, – каждый день мне звонишь, утром и вечером.

– Есть, каждый день звонить, в шесть и двадцать часов, – словно уясняя задачу из приказа, четко ответил Ратник.

Про себя выдохнув и оставив их собирать вещи, я отправился продолжать прием, попутно договорившись с начмедом и лечащим врачом Саши о выписке, переводном эпикризе и направлении, вместе с направлением из медицинской службы они будут основанием для ее и нашего выезда.

Инна, услышав мой рассказ, грустно вздохнула:

– И что вы за люди такие, мужики, врете напрапалую и не краснеете, и ведь верят вам.

– А есть другой вариант? – во мне боролись стыд и сомнение.

Инна куда лучше меня разбиралась в запутанных лабиринтах девичьих душ, случалось, что многие коллеги-медсестры обращались к ней за советом в самых разных житейских ситуациях.

– Наверное, нет. Ладно, главное, что получилось.

Прием продлился почти до самого вечера, мы с Инной осматривали вновь поступивших, выписывающихся, приехавших на консультацию, потом я писал заключения для военно-врачебной комиссии. Появлюсь в кабинете я только через три дня, и то, если повезет, а другого специалиста в клинике нет.

Домой я вернулся поздно, на скорую руку поужинав, натаскал с женой воды – ее привозил во двор большой грузовик со смонтированными в кузове оранжевыми баками. Смыв усталость в тазике теплой воды, я перепроверил документы в дорогу и вытянулся в кровати. Будильник заведен на три часа, в четыре за мной приедут Ратник и Саша.

Внезапно я вспомнил, что забыл узнать, что привезти семье с оказией из поездки. Сюжет старой сказки заиграл новыми красками, вместо аленького цветочка дети в один голос просили привезти морскую свинку, которую они давно хотели, жена попросила меня поискать себе новые берцы, в Ростове они наверняка дешевле.

С детьми удалось договориться, что свинку мы возьмем осенью, у наших знакомых, берцы я, вспомнив разговор с Инной, твердо обещал посмотреть, но с другой оказией.

IV

Когда утром, без десяти минут четыре, я выходил из подъезда, УАЗ-«буханка» на которой нам предстояло ехать, стоял под нашим балконом. В кабине, с пассажирского места огромными из-за толстых стекол очков глазами смотрела на меня Анна Дмитриевна, мать Ратника.

– Все будет хорошо, Анна Дмитриевна, – на ходу ответил на вопрос в ее взгляде, забираясь в салон через боковую дверь.

Сашу мы уложили на развернутый на скамейке спальный мешок, под голову положили небольшую подушку.

Заставив ее выпить таблетки от головокружения (дорога дальняя, да и автомобиль тряский), я махнул рукой Ратнику, и мы покатались.

Минут через пятнадцать, когда автомобиль уже выезжал из города на только что отремонтированную трассу, Саша уснула, я вытянулся на спине на второй скамейке, поглядывая на нее.

Девушка спала, лишь иногда веки ее вздрагивали, незаметно уснул и я. Перед контрольным пунктом машина затормозила, Саша продолжала спать, мы с Ратником, взяв документы, пошли объясняться с офицерами госбезопасности. Посмотрев через окошко машины на спящую Сашу, проверив наши выездные документы, нас пропустили вне очереди по так называемой зеленой полосе. На втором контрольном пункте, куда наши данные передали по радиостанции, нас обнюхала служебная собака с умными глазами, автомобиль обошли с зеркалом и каким-то непонятным мне прибором, после чего мы снова покатались по гладкому асфальту.

Перед самым Ростовом Саша проснулась, машина, перестраиваясь из ряда в ряд и притормаживая перед поворотами, качалась на рессорах – мастерство штурмана, даже оснащенного планшетом с навигацией, Анне Дмитриевне давалось с трудом.

Найдя место на парковке с шлагбаумом возле вокзала, Ратник одной рукой подхватил пошатывающуюся Сашу (маневры и развороты разбередили не уходящее пока головокружение), другой рукой взял дорожные сумки. Мы с Анной Дмитриевной замкнули колонну.

Пройдя через замысловатую рамку, где наш багаж просветили рентгеновским детектором, мы вошли в вокзал и нос к носу столкнулись с патрулем: два курсанта с примкнутыми к поясу штык-ножами и подтянутый подполковник в сверкающих туфлях, на военном жаргоне именуемых лабутенами.

Приосанившись и набрав в грудь воздуха, он, наверное, уже приготовился отчитать нас за нашу вылинявшую полевую форму. Принятую здесь повседневную, называемую «офисной», форму за восемь лет войны я надевал лишь несколько раз. Увидев наши глаза и взглянув на Сашу, он выдохнул и поинтересовался у пытящего Ратника, нужна ли помощь. Нас отвели в воинский зал, патрульные втянули багаж. До поезда оставалась пара часов, мы с Сашей подремывали, Ратник свистящим полусшепотом спорил о чем-то с Анной Дмитриевной.

Через два часа, после натужных попыток разрядить повисшее напряжение дорожными прибаутками («День передумать, а вечером уже и в Москве»), он прижался к вагону, глядя на стоящую за стеклом дочь. Саша, широко расставив руки, держалась за поручень, прижавшись лбом к стеклу, и словно вцепилась в него глазами. Бесшумно поднялась лестница вагона, проводница в вытянутой руке показала невидимому машинисту красный флажок и спряталась. Также бесшумно закрылась автоматическая дверь, и поезд с тихим скрипом стал набирать скорость. Ратник шел, а затем бежал рядом с вагоном, в левой руке держа форменную кепку, правой он махал Саше, она махала ему в ответ.

Потом он остановился, поезд, весело постукивая, укатил и скрылся вдали, Ратник снял очки и приложил кепку к лицу, как-то сразу обмякнув. Я терпеливо ждал, постояв несколько минут и вытерев лицо платком, он развернулся и побрел ко мне.

V

Назад мы ехали быстро и молча, Ратник сосредоточенно смотрел на дорогу, резко виляя рулем – верный признак того, что внутри его головы ветер мыслей нагоняет волны эмоций.

Мы, почти не останавливаясь, проскочили контрольные пункты, машина, обдуваемая горячим ветром, резво везла нас домой.

Перед развилкой двух дорог Ратник остановил автомобиль. По дороге слева, чернеющей свежим асфальтом с нанесенной молочно-белой разметкой, мы приехали в Ростов. Подумав и зачем-то посмотрев на меня, Ратник свернул на дорогу справа, которая мимо поселков заброшенных шахт и спрятавшегося в излучине реки полигона, через заросшие степными травами поля вела к городу, откуда я когда-то давно уехал во взрослую жизнь.

Машин здесь было куда меньше, дорога была подбита гусеницами боевых машин, а в лесопосадках от жары и посторонних глаз прятались люди и техника, чтобы ночью, собравшись в колонны, продолжить движение вперед.

После очередного поворота, аккуратно объехав кладбище, где среди неподвижных плит развевались прикрепленные к крестам флаги, Ратник, наконец, посмотрел на меня:

– Скажите, а Саша что, и вправду, когда придет, сможет вернуться на службу?

– Вряд ли, – пытаюсь предугадать его мысли, стараюсь говорить с ним максимально просто и мягко, словно с ребенком, – все же слишком тяжелая контузия, комиссуют ее, насчет пенсии не скажу, выслуга маленькая, относительно инвалидности – дай бог без нее обойдется.

– Да ладно пенсия, главное скажите – она выздоровеет?

Я несколько раз вдыхаю и выдыхаю. Он мой друг, и давить его своими прогнозами мне совсем не хочется, но и рассказать ему, что все будет хорошо, я тоже не могу.

– Владимир Иванович, мой добрый друг, поймите, наконец, контузия тяжелая, в клинике сделали все, что смогли, да и Саша старалась... Знаете, я очень надеюсь и хочу верить, что в Москве сделают невозможное, но знаете, чудеса если и случаются, то не с нами. Зрение улучшится, надеюсь, головокружение уменьшится, слух восстановится частично, но таким, как было уже не станет.

– Господи, – Ратник виновато смотрел на меня, – ну как? Почему я ее не отговорил? Как она такой жить будет, полуслепая, с головокружением и этой вашей тугоухостью, как ее там...

– Смешанной, с преобладанием сенсоневральной, – механически выдавливаю из себя.

– Вот-вот, слова-то какие, как приговор... мне, – неожиданно выдыхает он. – Знаете, я ведь надеялся, что пройдет время, закончится война или пусть даже на войне, неважно, она повстречает кого-нибудь хорошего, выйдет замуж, будут у меня внуки, а теперь... с таким здоровьем?

Мечта есть у каждого, Ратник, последнее десятилетие с избытком хлебнувший своего и чужого лиха, мечтал о тихой и спокойной жизни, в которой основное место занимала вечерняя возня с внуками, днем он мечтал преподавать.

– Владимир Иванович, да ну что вы так? Саша поправится, насколько это возможно, она обязательно встретит самого замечательного парня, почти такого же замечательного, как вы, выйдет замуж, и будут у вас внуки, а еще лучше внучки. И будете их и на санках катать, и на велосипеде, и дорогу железную с ними строить, и сказки на ночь читать, и даже в кукольный ресторан играть обязательно будете.

Мечтательная тень проскочила по его лицу и скрылась, подавленная вернувшейся тревогой.

– Утешить вы меня хотите, успокоить, а только сами посмотрите, у нее ведь и глаз косит, и речь какая-то рваная, как ей такой жить, как гадкому утенку?

– Послушайте, Владимир Иванович, – стараюсь увести разговор от возможных последствий контузии, – Саша пошла за вами, потому что больше себя вас любит и бережет, а это ой как много значит, и в дело ваше верит...

– Но она же девочка, – почти простонал он, перебивая меня.

– Девушка, – поправляю его, – и очень красивая. Только любят, мой друг, если по-настоящему, за душу добрую и за сердце чистое, за готовность понимать и поддерживать, как бы жизнь круто ни ломала. А взгляд любящий, он и искоса в душу западет. Да, всех этих принцев доморощенных, мамкиных королевичей, гордо колесящих на электрических самокатах, на нас криво посматривающих, это оттолкнет, а только оно и к лучшему. Ее человек, он увидит, услышит и поймет и всю жизнь рядом с ней будет, оттого что во взгляде ее читать и понимать для себя самое главное научится и сам на нее смотреть так будет.

Мы катились по разбитой бетонке, рядом с заросшим травой железнодорожным полотном. Из ниоткуда в голове моей родилась мысль:

– А давайте свернем ненадолго, чаю выпьем, здесь рядом колодец есть волшебный.

– Какой колодец, что вы придумали?

– Знаете, здесь недалеко, на отвале заброшенного карьера есть колодец, там вода замечательная, наберете запас, чаю попьем. Колодец необычный, если в него женское имя крикнуть, долгое эхо получается, пока эхо звенит, можно желание загадать, в моем детстве так делали.

– И вы тоже?

– Было дело.

– И что, получилось?

– Потом расскажу, сворачивайте направо и ориентируйтесь на холм, который на два часа.

Минут через десять, вдоволь поманеврировав по заросшим бурьяном колеям и проехав вдоль заброшенных огородов с торчащими пеньками плодовых деревьев, мы подъехали к тропе, ведущей на холм.

Прихватив питьевые канистры, полезли наверх.

Колодец был там же, остались даже цепь и ворот, свет фонарика отражался очень глубоко, но эхо по-прежнему звенело над каменным горлом.

Скамеек на площадке уже не было, вместо них были несколько ровных площадок, выложенных шлакоблоками и кирпичом, видимо, летом четырнадцатого года здесь были артиллерийские наблюдатели.

Соорудив из шлакоблоков подобие очага, я посмотрел на Ратника:

– Вы воду набирайте, а я сушняка пока наломаю.

Минут через пять я вернулся с охапкой сухой травы и веток.

Ратник успел наполнить канистры, из одной из них он отлил в маленький тонкостенный чайник.

Под ветром костер разгорелся быстро. Уложив на шлакоблоки оставшиеся от скамеек металлические рейки и поставив на них чайник, мы стали смотреть на город.

Пока чайник закипал, я успел показать Ратнику заросшее кустарником место, где когда-то был наш огород, двигая руками, рассказывал ему про город. Он невнимательно меня слушал, временами поглядывая на колодец.

Чай мы пили молча, редкое облако затянуло солнце, и мы оба высматривали что-то в укрытой тению степи.

Закрыв нишу костра плоскими камнями, мы спустились к машине.

– Ну как? Попросили колодец?

– Нет, – Ратник уверенно посмотрел на меня, – знаете, не нужен здесь никакой колодец, даже самый волшебный. Я в Сашу верю, она стараться изо всех сил будет, именно потому, что хочет сюда вернуться, а с чем не справится, тут уже ничто не поможет. Да и правы вы, лишь бы она сама своим состоянием довольна была, а все остальное... Сложится, будем живы, будем и счастливы.

Я согласно закивал и улыбнулся.

– Скажите, если это не тайна, – Ратник выглядел смущенным, – вы обещали рассказать про опыт с этим колодцем.

– Да какая там тайна. Знаете, я в студенческие годы влюбился было в одну девушку, там, перед шоссе ее дом был. Именно, что влюбился, в юности по-другому редко бывает, все серьезное с годами приходит, и то, если повезет. Неважно, как ее звали, – Ратник согласно кивнул. – Важно то, что я учился в Донецке, а она, скажем так, намного дальше, и видеть ее я мог только во время каникул. А потом она совсем исчезла, говорили, что она поймала свою удачу и больше никогда сюда не приедет.

– И вы успокоились? – Ратник чуть покусывал губу, не глядя в мою сторону.

– А что мне оставалось? Жизнь ведь продолжается, я был совсем еще молод, да и, знаете, влюбленность – это ведь не любовь, одна сменяется другой. А только в один из дней, аккурат

в начале осени, накатило на меня так, что внутри все сжалось. Выбрался я на этот холм, прокричал в колодец ее имя и попросил взаимности, для верности даже кружку воды выпил.

– И получилось? – Ратник смотрел настороженно, он хорошо знал, откуда родом моя жена, часто приходилось бывать ему в том городе, поэтому понимал, что это другая история, которая закончилась совсем не сказочной свадьбой.

– Наполовину. Где-то через месяц она вернулась в город, но, знаете, в таком состоянии, словно и не она это. Времена тогда были сложные, самое начало нулевых, ну и счастье ее далекое рухнуло, погибло в бандитской перестрелке, а она... хорошо, что осталась живой. И такая была... сложно описать, у женщины самое выразительное место – глаза, посмотришь в них и либо тонуть начинаешь, либо холодок по спине бежит, в общем, сразу все ясно становится.

– Вы не пытались ей помочь? Вы же сами хотели ее возвращения в вашу жизнь.

– Пытался, но, знаете, получилось так, что стало понятно – либо помогать и ни о чем другом не думать, либо... И я первое выбрал. Где-то через год она стала похожей на себя прежнюю, и мы остались друзьями. Не решился я сердце ее и свое страстью тревожить.

– Да уж, история. – Ратник запустил двигатель. – А девушка эта, с ней что стало?

– Так и живет в городе, правда, уже в другом доме, вышла замуж, дочь родила, муж, кстати, воюет, пару месяцев назад лечили его в клинике нашей. У нее все хорошо. Как и у нас с вами, друг мой. Вот такой вот колодец.

– Вы меня сюда привезли, чтобы успокоить? – Ратник с усталой улыбкой смотрел на меня.

– Естественно. Да и знаю я вас. Если бы и поверили, что в колодце сидит кто-то, кто желания выполняет, то сперва бы разобрались, кто такой, если не из наших, то полетела бы в колодец граната.

– Побойтесь Бога, мы же вежливые люди, задержали бы, установили личность и доставили в военную контрразведку.

VI

Дальше мы ехали молча, Ратник вспоминал что-то потаенно свое, спрятанное от всех, отчего вечные морщины вокруг его глаз разглаживались. Временами он чуть настороженно косился в мою сторону, словно боялся, что я могу увидеть его мысли.

Обдуваемая горячим ветром, машина, чуть покачиваясь, словно ладья, плыла по ровной ленте асфальта. На меня накатывало детски радостное, недостижимое никакими благами ощущение возвращения домой.

До завтрашнего утра, хлопот и суеты очередной военной недели у меня оставались несколько часов, за которые мы с семьей успеем погулять вокруг заросшего камышом ставка, покормить хлебом семью уток, с подросшими уже утятами, побросать кошачий корм юрким водяным крысам и собрать букет отходящих уже степных цветов.

Вернувшись домой, мы сыграем в простую игру, задания для которой нанесены на картонные карточки, и в ней взрослые наравне с детьми, жестикулируя и подмигивая, будут пытаться изобразить известные предметы и явления и смеяться от сознательно неправильных ответов.

Потом, открыв окно, в которое потянет вечерней прохладой, и глядя в звездное небо, я буду засыпать, с полнотой ощущений только что закончившегося вечера и желанием его повторения, с ясным пониманием, что это и есть подлинное мое, жизнью добытое счастье, которое я никому не отдам и ни на что не обменяю.

День справедливости

Двадцать третье августа для меня день особый. В этот день родилась дочь, и до войны в этот день вся наша семья всегда собиралась вместе. Взрослые старались придумать сюрпризы позатейливее, дочь проводила день так, что воспоминаний хватало почти до середины октября, потом мы начинали готовиться к Новому году.

Война изменила все. В июне две тысячи четырнадцатого дочь вместе с моими родителями уехала к родственникам в Москву, я с женой и кошкой остался в Донецке. Потом, когда в Горловке стало особенно невыносимо, к нам присоединилась мать жены. Наверное, жене стоило уехать, Донецк был тогда малоподходящим местом для беременной, но она осталась. Ради меня. Это и есть Любовь.

Обычно тем летом я старался уйти из квартиры пораньше, пока все еще спали. Транспорт тогда ходил полупустым, пассажиры обсуждали ночные обстрелы и времени, чтобы добраться до госпиталя, уходило совсем немного. Последние несколько остановок я обычно проходил пешком. Необыкновенная для центра города тишина и свежий утренний ветер помогли настроиться на предстоящий день.

Уйти незаметно не получилось. Жена выскользнула из спальни и молча смотрит на меня. Так же молча улыбаюсь ей, смотрю вопросительно.

– Мне ее не хватает.

– Мне тоже, – говорю сдержанно. – У нее там все хорошо. Они сегодня в зоопарк идут, потом на ВДНХ, потом в парк.

– Знаю, и все равно мне ее сегодня особенно не хватает! Ты ей позвонишь?

– Обязательно, – выдыхаю, уже выходя из квартиры, и скатываюсь по лестнице вниз.

На улице охватывает волна уже с утра разогретого воздуха. Дыхание учащается, и, чтобы не дать мыслям захватить и увлечь в свой печальный хоровод, до госпиталя иду пешком.

– Мы не можем позволить себе быть грустными! – говорит Юрий Юрьевич, заведующий хирургическим отделением для легкораненых, и я с ним согласен, уныние заразно, мы же должны излучать оптимизм и надежду, даже если жизнь крутит нас, как белку в мясорубке. Это тоже Юрий Юрьевич.

В госпиталь я прихожу к половине восьмого. Утро в приемно-сортировочном отделении начинается не с чашки кофе, а с просмотра журнала дежурной смены. Судя по количеству поступивших, ночь не была ни доброй, ни спокойной.

Мы находимся на первом этаже, прямо перед входом в отделение широкое крыльцо со скамейками для выздоравливающих, где обычно меня первой встречает моя старшая медсестра. Она всегда чем-то занята и куда-то спешит, поэтому спокойное ожидание на пороге есть проявление симпатии и уважения ко мне, что я очень ценю. В кабинете меня ждет свежий чай и бублики. Наша местная чайная церемония отличается от традиционной тем, что позволяет сосредоточиться и включиться в работу, как говорят, с полпинка. Узнаю, что у нас нового за ночь, допиваю чай, начинаю заполнять суточный рапорт заведующего приемно-сортировочным отделением. Оба молчим, провожаем вчерашний день, который заканчивается таким вот образом. Госпиталь тем временем начинает наполняться.

Первым к нам заходит заведующий хирургическим отделением для тяжелораненых – Андрей Валерьевич, или Дядя Миша, как зовут его пациенты. Он с прищуром улыбается в густые усы и напоминает мне, что желтые тропические муравьи обязательно полакомятся сегодня моей печенью, если я буду дергать его по пустякам. Я знаю, что такие муравьи есть, и они, кажется, даже вырабатывают какую-то особо токсичную кислоту, но еще лучше я понимаю настоящий смысл его слов: «Будет что-то серьезное, зови. Не позовешь – обижусь!»

Он мэтр и корифей нашего госпиталя, его сложно чем-то удивить, но держится он всегда просто, поэтому и мне спокойно, – прорвемся. Традиционно отвечаю, что печень сегодня забыл дома, поэтому муравьям отбой. Он смеется, все понимает и уходит, до утреннего совещания нужно успеть еще сделать обход.

Почти сразу звонит телефон. Слышу Константина Сергеевича Ставинского – заведующего терапевтическим отделением.

– Коллега, жду вас на кофе! И отоскоп² с собой захватите!

Обычно кофе бывает с рогаликами или булочками, кофе с отоскопом означает, что ночью привезли пациентов с контузиями. Беру отоскоп и телефон, бегу в терапию, времени до утреннего совещания уже немного, а кофе с Константином Сергеевичем – то самое, что делает любое утро добрым, и дело здесь, конечно, не в самом кофе, хотя сваренный в котелке на горелке он наполняет отделение необъяснимым ароматом покоя и благополучия. К кофе всегда прилагаются хорошие новости, даже если им неоткуда взяться, иногда стихи, которые Константин Сергеевич написал ночью. Сегодня стихи о том, что утро редко приносит нам то, что мы ожидаем, а вот вечер дарит сюрпризы, если мы их заслужили.

– Кофе роскошный! Как и стихи! – Ставлю чашку. Пора назад, времени совсем в обрез, поэтому снова бегом.

Перед корпусом перехожу на шаг для солидности и не торопясь поднимаюсь на третий этаж. Все уже собрались. Настроение приподнятое, утренние новости распространяются быстро, все обсуждают начавшееся успешное наступление.

Утреннее совещание начинается. Докладываю число обращений за медицинской помощью, число госпитализированных в целом и конкретно по отделениям. Обычная утренняя рутина, которая так же дежурно заканчивается звонком моей старшей сестры:

– Доктор, раненые! Шестеро. И анестезиолога возьмите!

Рутинa закончилась. Вот теперь-то и начинается новый день. С анестезиологом бежим вниз. На ходу подхватываю каталки в коридоре первого этажа, выруливаю на сортировочную площадку. Здесь уже старшая медсестра с журналом записи раненых. Перевязочная, противошоковая, второй этаж, третий этаж, несую сумку с укладками для анестезиолога, звоню Андрею Валерьевичу – есть и для него работа. От медлительного спокойствия утра осталось только послевкусие кофе, – все происходит очень быстро. Каталки уходят в противошоковую, носилки – в операционную и перевязочную. Водитель уже в реанимобиле, – раненого после противошоковой отправляем на следующий этап. Закатываем носилки в реанимобиль, следом туда запрыгивает дежурный фельдшер, захлопываю дверь и бегу встречать следующую партию раненых.

Реанимобиль теперь всего один, второй вернется минимум через полчаса, поэтому остается надеяться, что обойдемся без следующего этапа. Телефон в кармане противным писком напоминает о дне рождения дочери.

Итого их восемь. Двое контужены, у одного вокруг ушей черные корочки запекшейся крови. Их – в терапию, к Константину Сергеевичу, попутно заглядываю им в уши, пишу назначения.

Двух часов не прошло, у нас уже четырнадцать поступивших. Если так и дальше пойдет, скоро и в коридорах места не хватит.

Возвращается реанимобиль, фельдшер и водитель моют салон и каталку, война войной, но машина всегда должна быть в чистоте. Приношу им носилки в крови, их тоже помогут и к обеду они высохнут.

С наступившей паузой возвращаюсь в кабинет. Пора включаться в амбулаторный прием. Вместе со мной в кабинете терапевт и невролог, работа идет быстро, за два часа принимаем втроем почти тридцать бойцов.

² Отоскоп – инструмент для обследования наружного уха.

В операционных и перевязочной уже почти закончили с поступившими, начались перевязки. Перевязок много, в коридоре первого этажа перед перевязочной амбулаторного приема расставляем дополнительные скамейки, опускаем фиксаторы колес у каталок, пусть народ посидит пока, вдруг не пригодятся. Заглядываю в перевязочную, дежурный хирург сегодня один – значит, амбулаторный прием хирурга и травматолога сможем начать только после обеда. Дежурит Артем Викторович – в госпиталь он попал с ранением, теперь вот совмещает нужное с важным. Показываю ему стрелки на часах, он сосредоточенно кивает.

Свободную минуту в госпитале лучше использовать с пользой, поэтому бегу к Алиму Анатольевичу. Он лор или оториноларинголог, как правильно называется наша специальность. Спокойно и неторопливо он успевает принять за день столько пациентов, сколько обычно принимают минимум двое специалистов. Он много и по-доброму шутит, пытается казаться эдаким поручиком Ржевским, по ошибке попавшим в медицинский институт. Но я понимаю, что случайности не случайны, и Алим Анатольевич, наверное, и есть тот самый доктор Айболит, о котором я слышал в детстве, но явно не ожидал встретить. Сегодня у нас аврал сильнее обычного, договариваемся, что часть своих пациентов буду перенаправлять к нему.

Вот и замечательно, иду назад, рука тянется к телефону, останавливаюсь. Понимаю, что не время сейчас для таких разговоров, да и народу кругом много, буду скованно мямлить в трубку, но не выдерживаю, набираю номер. Трубку мама снимает:

– Маша с дедушкой на колесе обозрения катаются, мы ее поздравили, подарок подарили, потом перезвони! – залпом выдыхает она.

Значит, действительно не время.

Раненых привезли. От разведчиков. Бегу на сортировочную площадку. В этот раз нам повезло, все уже обработаны, противошоковые мероприятия выполнены, оформляем бумаги, распределяем по отделениям. В кабинете появляются врач батальона и фельдшер. Врач в подразделениях пока редкость, хороший хирург – редкость вдвойне, к тому же человек замечательный, много уже успел повидать, а не озлобился. Видно, что оба устали крепко, предлагаю кофе, который пьем на сортировочной площадке. Фельдшер спрашивает у меня количество поступивших с утра, вздыхает, врач уточняет количество свободных мест, тоже вздыхает. Потом они уезжают в реанимобиле, перекрашенном в защитный цвет. Мне очень хочется, чтобы они остались, – еще много не сказано, но последний месяц мы все живем на лету, поэтому остается только ждать и надеяться, что с ними, как и с другими, кто мне дорог, все будет хорошо.

Мест в отделениях осталось меньше, чем в сезон в Крыму на пляже, поэтому иду к заместителю главного врача госпиталя Ольге Николаевне. Удастся развернуть еще двадцать коек на надувных матрасах.

Продолжаем амбулаторный прием. Больных и легкораненых привозят начмеды, фельдшеры, санинструкторы и командиры. Через час к нам присоединяется Артем Викторович, поток людей в коридоре сокращается.

Звонит жена. Твердо обещаю позвонить Маше сразу после обеда.

Привезли раненых прямо с передовой. С ними всегда сложно, они просят обезболить, перевязать и – назад к товарищам. Вызываю подкрепление, Андрею Валерьевичу верят все. Операционные, перевязочные, противошоковая снова заняты.

Раненого с ожогами после противошоковой загружаем в реанимобиль, везу в ожоговый центр. В городе выраженный дефицит врачей и медикаментов, с собой беру растворы и перевязочные, наверняка пригодятся.

Назад возвращаюсь примерно через час. На скамейке возле входа в госпиталь уже собрались раненые. Их везут в отделение рентген-хирургии, где Юрий Юрьевич будет доставать им осколки. Вместе с ним работают кардиохирурги и сосудистые хирурги. Нагрузка настолько высокая, что периодически перегревается аппаратура, тогда на время все останавливается.

Андрей Валерьевич печально шутит, что скоро мы станем звать Юрия Юрьевича «ваша светлость» или «ваше сиятельство».

Амбулаторный прием почти закончен. Иду консультировать по отделениям. Сегодня консультаций мало, поэтому через час я снова в кабинете.

В этот раз раненых привез Комиссар. По первому впечатлению – гроза-человек, но я знаю его уже почти месяц и в очередной раз понимаю, что первое впечатление обманчиво. Комиссар немолод и, наверное, занимался бы сейчас внуками, да война случилась. Он привычно начинает указывать мне, куда и кого разместить, я привычно киваю. Смотрю ему в глаза, понимаю, что у нас плюс один – зрачки разной величины. Говорю тише – понимаю, что слышит плохо. Объясняю, что ему самому к нам нужно. С первого захода не выходит, зову Константина Сергеевича, вдвоем уговорили.

Звонит жена, честно отвечаю, что еще не позвонил, пытаюсь отшутиться, что еще не обедал. Обещаю до 20:00 точно позвонить.

Наступает вечер. Прохладой и покоем не пахнет. Наверху продолжают перевязки. У нас в отделении осталась дежурная смена, вместе со мной хирург и старшая медсестра. Константин Сергеевич позвонил, он остается на ночь, можем на него рассчитывать.

Наконец темнеет, раненых уже не везут – опасно, к тому же дороги загружены, до утра не проехать. Выбираюсь на свежий воздух, на скамейке меня ждет Константин Сергеевич с вечерним кофе.

Ухожу в дальний конец аллеи, набираю номер. Денег на счету немного, поэтому разговор получится коротким. С первого гудка отвечает дочь:

– Алле, папа звонит!

– Машенька, с днем рождения! – выпаливаю я. – Здоровья тебе, доченька, счастья! Мы с мамой тебя очень любим и рады, что ты у нас есть!

– И я, и я тоже...

Вот теперь по-настоящему трудно сдерживать эмоции. Выдыхаю:

– Как день провела?

– У меня такого дня рождения никогда еще не было! – пауза. – Мне тебя с мамой не хватает! Очень!

В горле ком. Проглатываю. Стараюсь быть веселым.

– Чем занимаешься?

– «Смешариков» смотрю, про день справедливости. А когда я домой вернусь?

– Скоро, маленькая, скоро ты приедешь, Ваня с Никитой, Олеся, Лиза – все приедут, пойдешь в школу и больше уезжать не будешь!

– А с вами все хорошо, с бабушкой, с Муркой?

– Все хорошо, маленькая, все хорошо.

Телефон пискнул и отключился. Я разворачиваюсь и бреду к скамейке. Мою ненависть к тем, из-за кого Маша, как и все ее маленькие друзья, уехала из города, можно было сравнить только с темным, холодным и бездонным осенним небом. Хочется сидеть, молчать, смотреть на звезды и надеяться, что скоро все наконец закончится.

Константин Сергеевич с пониманием смотрит на меня:

– Сколько у нас сегодня?

– Сто двадцать два обратились, сорок пять госпитализировали.

– И как вы?

– Как и все, жду и надеюсь...

– И все равно, коллега, хороший сегодня день был, трудный, но хороший.

Я смотрю в звездное небо и чувствую, как меня понемногу отпускает.

– Хороший, – выдыхаю я, – день справедливости.

Конец фильма

Горячее лето две тысячи четырнадцатого года прошло, наступила теплая и солнечная осень. Днем солнце припекает, как и раньше, но вечером приходит прохлада, а ночью и холодок, особенно ощутимый у реки. Прибавилось людей, вдоль набережной по вечерам гуляют, кажется, что все как раньше, кроме грохота разрывов и комендантского часа, которые заставляют улицы опустеть.

Вернулись мои родители и дочь, и у меня наступил тот период простого человеческого счастья, которое может подарить только семья.

В госпитале каждый из нас нашел свое место, работа приобрела выверенный и слаженный характер, который принято сравнивать с часовым механизмом.

Воскресенье у меня – условный выходной, телефон всегда включен, время прибытия по тревоге не более тридцати минут. Утром в отделениях проходит осмотр поступивших за ночь, затем перевязки, которые продолжаются до самого вечера, потом генеральная уборка. У нас это называют парково-хозяйственным днем.

В приемно-сортировочном отделении ПХД начинается после обеда. Амбулаторного приема почти нет, бывает, что привезут издалека или совсем свежее и острое, но с будним днем никакого сравнения – халат на спине сухой, а это верный признак спокойного дня.

Мы проверяем комплектность укладок, дополняем их необходимым для дальнего выезда: у нас теперь выездная бригада эвакуирует раненых из отдаленных мест. Ко всему, конечно, готов не будешь, но мы справляемся. Гвоздь программы ПХД – полировка жезла всевластия – металлического рычага, которым регулируют высоту переносного хирургического стола, с квадратным отверстием и резиновой рукояткой. Нам его заведующий хирургическим отделением Андрей Валерьевич, он же Дядя Миша, подарил. Связь никудышная, поэтому при необходимости мы стучим этой железкой по трубе отопления, она проходит через его ординаторскую, реагируют быстро. Еще есть посыльный, но при большом поступлении жезл всевластия все же надежнее.

Связь на уровнях «врач – отделение – госпиталь» обеспечиваем как можем.

Мы все понемногу становимся суеверными, я уже не помню, когда слышал слово «последний», все говорят «крайний», даже если речь идет о ложечке сахара или о сигарете. Пожелание спокойной ночи считается диким моветоном и поводом для встречи с желтыми тропическими муравьями, которых по легенде держит у себя в кабинете Андрей Валерьевич. У каждого есть свои приметы, позволяющие сделать прогноз на день. Я потихоньку начинаю верить в то, что, если сидеть на скамейке перед входом в отделение дольше десяти минут, обязательно привезут раненых. Константин Сергеевич, заведующий терапевтическим отделением, говорит, что у меня условный рефлекс после августа, и все равно я стараюсь обходить скамейку стороной.

Моя старшая медсестра, к которой я обращаюсь официально, а Константин Сергеевич просто по имени – Анечка, дежурит уже третьи сутки, поэтому, когда она уснула прямо за столом, где делала салфетки и тупферки³ для перевязочных, я закрыл кабинет и вышел во двор. В глубине двора – аллея из каштанов, по бокам скамейки. Я присел.

Сегодня день посещений. Приходят ко всем сразу. Старушка, у которой в госпитале внук, угощает яблоками, запах растекается по всему зданию. Дети приносят рисунки, их потом заботливо развешат в палатах и в коридоре.

³ Тупфер – тампон (*нем.*). Более известный, как ватная палочка. Стерильный зонд-тампон, который состоит из марли, ваты или другого пористого материала.

На скамейке напротив, положив сбоку костыли, устроился совсем молодой парнишка с перебинтованной на всем протяжении ногой. Он жестикулирует, рассказывая о чем-то девушке. Та смотрит на него особенным долгим взглядом и время от времени прижимается. Он изо всех сил пытается сохранять напускную серьезность бывалого воина, но я-то знаю, что он долго ждал встречи, выглядывая ее с балкона хирургического отделения. Понимаю, что я здесь лишний, и ухожу.

Тихонько заглядываю в дверь: старшая сестра еще спит, беру с подоконника руководство по ЭКГ, что мне принесла наш терапевт, снова выхожу во двор.

ЭКГ для меня темный лес, линия судьбы и гадание на пленке. Константин Сергеевич читает ЭКГ, едва развернув пленку, когда мы зовем его на консультацию. Он всегда делает это очень тактично, со стороны кажется, что мы на равных обсуждаем сложный случай.

Сегодня я твердо решил вспомнить то, чего не знал, и почти настроился на нужный лад. Константин Сергеевич деликатно обозначил себя кашлем.

– Добрый вечер, коллега! Есть минутка, нужно поговорить!

– Пока тихо, думаю, есть и больше. Хотите кофе?

– Давайте лучше у меня выпьем, понадобится, вас вызовут, я помогу.

Я отношу книгу в кабинет, старшая медсестра уже проснулась и продолжает делать тупферки.

– Было тихо. Ушел в терапию. На связи, – бросаю ей.

Она согласно кивает.

Мы почти дошли до угла здания, когда стало ясно, что нужно возвращаться.

В хирургии криз, хватаю сумку с переносным аппаратом ЭКГ, бегу наверх. «Каждая женщина знает черта!» – повторяю порядок наложения электродов⁴. Константин Сергеевич уже в палате.

Все просто и крайне сложно одновременно. У лежащего передо мной человека погиб друг детства, тот, с которым жили рядом и вместе ушли воевать. Снайпер в шею. До больницы не довезли. Осталась семья.

– Жизнь – это большой фильм. – Константин Сергеевич внимательно смотрит на окружающих. – Конец у фильма всегда один, но роли у всех разные, кто-то статист, кто-то актер второго плана, а он был герой, которого будут помнить и потом обязательно захотят быть такими же. А вы в этом поможете. В первую очередь его детям.

Взгляд лежащего становится осмысленным, он кивает собравшимся, и Константин Сергеевич начинает снимать пленку.

Через пятнадцать минут вопрос закрыт, я складываю аппарат, и мы идем вниз.

Закон парных случаев проявляет себя тем, что второй случай, как правило, хуже первого.

В кабинете ждет женщина, нам показывают фотографию, где юный паренек позирует на пороге здания.

– Давно снято? – пытаюсь говорить бодро.

В июне он техникум окончил и ушел. У них отряд на Петровке стоял. Перебираю в голове части и командиров из Петровского района.

– Позывной его знаете? Командира?

Позывной командира не знает, сына по позывному и фамилии найти не можем. Телефон выключен уже три дня.

– Все будет хорошо, больниц в городе много, обязательно найдется.

– Они своих раненых всегда к вам возят, он мне рассказывал.

⁴ «Каждая женщина знает черта» – порядок наложения электродов по цветам: красный, желтый, зеленый, черный. (Примеч. ред.)

– Бывает, что случай сложный, специализированная помощь нужна, мы тогда дальше отправляем. Хотите, у нас в коридоре стенд специальный, вы там фото оставьте и телефон свой подпишите, к нам много людей приходит, и наши, если узнают, вам позвонят.

Крепим фото на стенде, она пробегает глазами ряды фотографий, даты и телефоны.

– Если они все здесь, – шепотом начинает она, – значит, их не нашли, их больше нет.

Мы с Константином Сергеевичем успеваем ее подхватить, донести и уложить на кушетку.

Через полчаса, перед тем как она уехала вместе с адресами и телефонами городских больниц, мы договорились, что фото я завтра покажу фельдшеру разведчиков, она, вероятно, сможет помочь. Мой телефон нижний в записке.

– Я к себе, в отделение. – Константин Сергеевич посмотрел на меня. – Предложение кофе в силе.

– Я вас провожу, и назад, по дороге поговорим.

Мы вышли на крыльцо отделения.

– Я сдаю дела и ухожу в батальон. На передовой медиков нет, раненых многих не довозят, мое место там. Многих можно спасти, оказать необходимую помощь, и они выживут. Мне тяжело в тылу.

– Когда вы уходите?

– Завтра утром, я знаю, что вы будете заняты, поэтому зашел сегодня.

Он, как всегда, внимателен. Я хочу сказать, что он нужен мне, своим больным, нам всем здесь, что он клиницист и умница, что он замечательный друг, что он многому меня научил.

Я молчу, потому что внутренне с ним согласен, и, главное, говорить сейчас означает испортить ему вечер, что будет окончательным и махровым эгоизмом.

– Я сейчас вернусь. – Ухожу в кабинет.

В шкафу лежит подарок коллег – офицерский планшет, я его не ношу, но душу греет.

Достаю его из коробки, смотрю на старшую медсестру.

– Костя Сергеевич уходит завтра в батальон, это ему, – неожиданно я назвал его просто по имени.

Анечка молча открыла сейф, где хранилась непочатая пачка какого-то особого кофе, на который разрешалось только смотреть.

На крыльцо мы вышли вдвоем.

– Это вам. – Протянул я ему планшет. – Берегите себя.

– Береги себя, Костя Сергеевич. – Анечка отдала ему кофе.

Он снял стетоскоп и отдал его мне:

– Это вам – пригодится!

– Я дочке подарю – она рада будет.

Он улыбается и согласно кивает, сбегает с крыльца и машет нам на прощание.

Константин Сергеевич Ставинский погиб в конце января 2015-го. Снайпер, которая знала, что перед ней медик, выстрелила точно в сердце, не оставив шансов на спасение.

Его стетоскоп мы поместили над кроватью дочери, и я верю, что со временем она станет его достойна.

Жизнь – это потрясающий, яркий Фильм, в конце которого не будет «Стоп, снято!» и Режиссер не даст актерам второго дубля. Наградой Герою будет дорожка, по которой он поднимется на Небо, оставаясь вечным зрителем, всегда живым для тех, кто его помнит и любит.

Корабль мечты

I

В детстве я много болел легочными инфекциями, и родители часто держали семейный совет: что же еще можно придумать, чтобы осенью и зимой вечера наши проходили без приступов заливистого кашля, который временами становился похожим то на сытый брех старой собаки, что жила в школьном дворе, то на уханье голодной совы, что облюбовала городское кладбище, расположенное прямо за школой, через поле подсолнухов.

Если верить школьной легенде, сова ухала, когда предупреждала о визите незваных гостей из потустороннего мира. В то, что такое возможно, я верил, несмотря на пионерский галстук и алый значок на лацкане школьного пиджака. Тогда мне еще верилось, что есть на земле существа страшнее, чем люди, и все самое ужасное происходит непременно ночью.

Считалось, что отпугнуть шастающую в потемках нечисть может звонкая песня, поэтому, когда родители предложили записать меня в школьный хор, которым руководил седой музыкант-фронтвик, учивший еще мою маму, я быстро согласился.

Прослушивание прошло успешно, меня определили в подпевалы, задача которых была подхватывать песню за запевалами и выводить мелодию слаженно и ровно, чтобы ручейки детских голосов, совсем еще незрелых, сливались в единый поток. Позже, когда я совсем вырос, песня хора стала казаться мне костром, в котором сливаются воедино маленькие искорки детских голосов, чтобы освещать изнутри душу слушающего, заставив ее всколыхнуться и выплескивать наружу тщательно скрываемые от окружающих слезы.

Несколько раз в год хор давал отчетный концерт, самый яркий из которых всегда приходился на конец зимы, когда морозный и снежный февраль праздновал рождение армии. В каждом концерте обязательно звучала песня про крейсер «Аврору». Во-первых, она очень нравилась зрителям и проверяющему школу начальству, а во-вторых, и, наверное, это главное, для этой песни на нас надевали хоть и маленькую, а все же форму, которая казалась нам совсем настоящей, поэтому, ощущая свою значимость и серьезность положения, мы старались изо всех сил.

Форму родители сделали сами: из фетровой шляпы, картона и ткани папа смастерил мне бескозырку, на пришитых лентах которой бабушка вышила якоря. Из новой папиной спецовки мама сшила мне клеш. Особую мою гордость составляла тщательно прокрашенная синькой футболка-поло с длинными рукавами, которую мама распоролла спереди и вшила сзади квадратный воротник-гюйс с тремя белыми полосками и белым треугольником полосатой тельняшки впереди.

Перед концертом эта импровизированная форма вынималась из специальной коробки, в очередной раз проглаживалась через марлевую ткань, и развешивалась на ночь на деревянном тремпеле⁵. Утром на тремпель надевали чехол из большого целлофанового пакета и несли в школу.

Меня обычно ставили у окна вытянутого продольно зала, крайним в нижнем ряду. С противоположной стороны размещался наш музыкант с трофейным аккордеоном, снежно-белые клавиши которого придавали происходящему особую торжественность.

⁵ Тремпель – вешалка, плечики. Слово распространено в южных и восточных регионах России и на Украине. (Примеч. ред.)

Родители приходили на концерт вместе с двоюродным братом мамы. Он в юности служил матросом на военном корабле и, когда мы старательно тянули песню про «Аврору», незаметно махал нам маленьким сине-белым флажком, который тоже назывался гюйсом.

Зрителям нравилось, как мы поем о судьбе крейсера, и в той части, где хор незрелыми детскими голосами спрашивал у зала, что снится кораблю в предрассветном тумане, взрослые часто подпевали. Обычно эту песню мы исполняли несколько раз. Нам шумно аплодировали, а после концерта, тщательно разложив ленты бескозырок по плечам, нас фотографировал старый школьный художник, требовавший, чтобы мы стояли тихо и смотрели серьезно.

Именно тогда родилась самая яркая, казавшаяся мне несбыточной мечта: увидеть «Аврору» и подняться по трапу на ее борт.

Папа поддерживал мое увлечение, он принес из библиотеки книгу об этом удивительном корабле, и мы вдвоем вечерами читали описание его судьбы, дополнявшееся черно-белыми фотографиями палуб, кают, машинного отделения и портретами экипажа.

Спустя год жизнь необъяснимым образом изменилась: страна, в которой мы тогда жили, дала стремительный крен и легла на борт, а затем и вовсе затонула, оставив после себя несколько разнокалиберных и разномастных шлюпок, капитаны которых в основном стравливали экипажи друг с другом, в перерывах устраивая хмельные дебоши в очередном припортовом трактире, в один из которых превратили и крейсер, сняв с него бело-синий флаг.

Песню про «Аврору» хор больше не пел, музыкант наш совсем осунулся, аккордеон свой больше не доставал и вскоре уволился на пенсию, а место его заняла сдобная и буйнотелая бывшая старшая пионервожатая.

Хор за казенный кошт одели в смешные малиновые шаровары и расшитые крестиками рубашки. Коверкая слова непривычного нам языка, мы стали петь о вороватых казаках, что после разграбления Смоленска сначала любовались работой крестьян в поле, а потом и вовсе зачем-то спалили на сосне случайно подвернувшуюся под руку Галю.

Вскоре хор наш и вовсе распался. Лихолетье девяностых упокоило на городском кладбище некоторых моих товарищей.

В начале нулевых закрыли и школу, безжизненный каменный остов ее меньше чем за год разобрали по кирпичику. Там, где раньше было подсолнуховое поле, построили несколько вместительных коттеджей, подтверждая тем самым упорно вдалбливаемый нам закон о круговороте материи. Еще через несколько лет оставшаяся от школы площадка густо заросла шиповником.

II

В последние дни осени двадцать третьего года я оказался на курсах в Военно-медицинской академии. Занятия проходили в Красном селе на полигоне. Посмотрев на нас, съехавшихся на две недели со всех углов и уголков передовой, преподаватели дали нам день на адаптацию, отдых и знакомство друг с другом и с городом.

Меньше чем час спустя, приехав с ближайшим поездом, через Балтийский вокзал и пару станций метро, я искал своих друзей, знакомых, родственников друзей и знакомых в госпиталях академии, отправлял фотографии, раздавал гостинцы, старался утешить, выцеживая слова надежды из дежурных врачей и начальников отделений.

После нескольких часов, проведенных в госпиталях, значение моих курсов стало для меня очевидным куда больше, чем все вступительные речи наших преподавателей.

Когда все дела были завершены и я выбрался из последнего отделения, наконец, вытолкнув из ноздрей запах окровавленных бинтов и инъекционных антибиотиков, то твердо знал, что пойду к «Авроре». Моя детская мечта манила меня куда сильнее, чем все остальные тури-

стические достопримечательности города, к тому же я совсем не был уверен, что такая возможность выпадет еще раз.

Оставалось самое сложное – проложить и пройти маршрут, после нескольких неудачных моих поворотов и разворотов навигатор настойчиво стал предлагать поехать на такси, но это казалось мне настолько кошунственным, что я продолжал уверенно топтать по асфальту, размышляя о том, что лучший способ перемещения в незнакомом городе – это найти проводника из местных жителей.

Несколько раз я пытался узнать дорогу у прохожих, и каждый раз мне указывали новый ориентир, всякий раз интересуясь, зачем мне «Аврора», и что проще всего дойти до крейсера через Петропавловскую крепость, там до него рукой подать.

В качестве основного ориентира все указывали на мост, которого почему-то не было в моем навигаторе, в конце концов, мне посоветовали найти мост, на котором аморально голые мужики пытаются удержать вздыбленных разгоряченных коней.

Проклинаю собственную топографическую безграмотность и тревожно глядя на часы, медленно, но я все же приближался к своей мечте.

III

Эта девушка оказалась рядом настолько внезапно, что почудилось: выскочила из ниоткуда. Я отвык уже оттого, что ко мне подходят так близко, поэтому инстинктивно и резко отшатнулся в сторону. Она продолжала спокойно стоять рядом, глядя, как мне показалось, с пониманием.

Серое, приталенное, словно шинель на юнкере, пальто и почти в пол шерстяная юбка цвета осеннего неба, ботинки со шнуровкой на толстой подошве, небольшой рюкзачок за спиной – в этом не было ничего необычного. Длинные, до середины лопаток, густые выющиеся волосы с невиданным мной ранее медным отливом; даже зимой усыпанный веснушками, с легкой горбинкой стреловидный нос; тонкие, изящно изогнутые кверху губы, глаза, скрытые от окружающих круглыми очками с черными стеклами. Все это придавало ей какой-то невозможный в северном городе ассирийско-шумерский вид. И в то же время она казалась курсисткой из прошлого века, спешащей в булочную или на выступление модного поэта. Она была совсем миниатюрной, словно сошедшей с древней мозаики.

Мне привиделось: неуловимое изящество спящих на каменных плитах сфинксов, и она касается их рукой с тонкими, словно светящимися пальцами, и искрами высверкивают в предзакатных сумерках никогда не выдавшие света глаза, течет над рекой давно исчезнувшая шипящая речь.

– Потерялся? – мурлыкающе спросила она. У нее был успокаивающий тихий голос, чуть приподняв подбородок и глядя на меня сквозь стекла очков, она шагнула ближе.

Я подумал, что так мог бы выглядеть добрый дух этих мест, который выводит на дорогу заблудившихся потеряшек. В каждом городе есть свои духи-хранители, и чем старше город, тем больше историй о таких неожиданных встречах.

Еще я подумал, что так могла бы выглядеть внучатая племянница легендарного кота Базилио, в любой ситуации умеющая за себя постоять и поставить на место зарвавшегося нахала.

– Крейсер ищу, – сдержанно ответил я.

Мне показалось, что ей не нужно говорить название корабля и что она точно знает, как мне туда попасть.

– Зачем тебе туда? – она чуть улыбнулась, но по-доброму.

– Это моя детская мечта, – неуверенно улыбнулся ей в ответ.

Неожиданно она сняла очки, и ее зеленоватые пронзительные глаза поймали мои.

– А совесть чиста? – не отрывая взгляда, спросила незнакомка.

Ожидание радостной надежды сменилось знакомым ощущением очередного разочарования – юная питерская богема, не переживавшая ничего печальнее кражи смартфона в метро, станет сейчас рассказывать мне, как ей тяжело, чего она лишилась по вине моей и таких, как я.

– Шла бы ты отсюда, уважаемая, а то я ведь не местный, к культуре не приучен, могу так ответить, что в гастродоме вашем хваленом и повторить не получится.

Зрачки ее глаз цвета весенней травы были расширены до предела, губы вытянулись в стрелку, и сама она напряглась словно струна. Залившись краской, она ткнула мне в грудь тонким указательным пальцем, с коротко опиленным ногтем и стала беззвучно перебирать губами, тщательно подбирая слова.

Я, прищурившись, с непониманием глядел на нее.

– Ты... ты... ты... полено ты бестолковое, вот ты кто, – голос у нее стал дрожать и срываться. – Я тебя в отделении видела, у тебя глаза были грустные и выразительные. Ты там с врачами разговаривал, а потом с ранеными, и у них глаза повеселели, а потом ты ушел. Мне заведующий рассказал, что ты тоже врач, из Донецка, и ты в свой выходной приехал сюда людей искать, а сам на «Аврору» попасть хочешь. Ну, я и пошла следом, хотела поговорить с тобой, у меня отпуск скоро, хочу в Донецк в госпиталь приехать, я здесь волонтер, на перевязках помогаю, и курсы сестер милосердия почти уже окончила.

В глазах ее заблестели слезы, и она поспешно надела очки.

Стыд обжигающей волной окатил меня от макушки до глотки. Видимо, я покраснел, она снова сняла очки.

– Прости, сболтнул, не подумав, я же не знал про тебя ничего... У нас нет госпиталя, а на госпитальную базу тебя определю, телефон мой у заведующего твоего есть, ты нам там очень понадобишься. Извини, я, правда, не знал, кто ты, – мне хотелось развернуться и молча уйти. – Если все так идет, то мне точно не нужно идти ни на какую «Аврору».

– Это почему? – Она посмотрела на меня с тревогой.

– Совесть нечиста, – вздохнул я, закуривая.

– Ты прости, я ведь про совесть почему спросила... – Девушка примирительно взяла меня за рукав. – Понимаешь, попасть на корабль хотел маленький мальчик с чистым, незамутненным взглядом, который хорошо понимал, где хорошее, а где плохое, который ничего еще толком в жизни не видел, и попасть на корабль это, наверное, для него как в другой мир перенестись... А придет туда взрослый мужик с войны и вместо восторга от встречи со своей мечтой может испытать одно большое разочарование, потому что не сможет он увидеть этот крейсер глазами того ребенка... И что тогда с тобой будет?

Нахлынувшая тревога была настолько сильной, что я присел на какой-то камень с привинченной к нему памятной табличкой. Мне никогда не приходило в голову, что встреча с мечтой может быть совсем не такой, как представлялось мне в детстве.

Она посмотрела на меня с сочувствием, потом улыбнулась:

– Чиста, чиста твоя совесть. Если сам все о себе понимаешь, значит, попадешь на свою «Аврору». Ладно, пойдем проведу, нам по пути почти что.

Ситуация какая-то неестественная: возникшая ниоткуда и стоящая рядом девушка, которую я обидел, и которая поняла меня и потому простила. Почти мираж.

– Тебя как называть можно? – и, подумав, добавил: – Уважаемая.

– Сам уважаемый, – снова мурлыкнула моя спутница. – А тебе зачем?

– А может, еще раз тебя увидеть захочу?

– Для чего? – Она легко смахнула очки с носа, глаза ее расширились, и где-то в глубине их промелькнула тревога.

– Прости, не с того я разговор начал. Меня Дима зовут. Про совесть ты мне точно растолковала, да и необычная ты, не встречал таких. Уютно с тобой, спокойно. Потому и спрашиваю, как зовут, что неприлично все время ты говорить, нужно ведь и по имени.

– Я Василиса! – ответила она смущенно и снова надела очки.

Мне захотелось развеселить ее, сгладив неловкость нашего знакомства.

– Выходи, Кошей, на последний бой, не отдам тебе Василисушку! – Вытянув руки, словно охватывая ими кого-то невидимого, по памяти заголосил я отрывок, который давным-давно в костюме медведя исполнял на детских утренниках.

Прохожие шарахнулись, подумав, что я пьян.

Василиса улыбнулась:

– А может, меня и не надо ни от какого Кошея спасать? Может, я сама за себя постоять могу?

Ох, непроста она, моя проводница! Говорит все время загадками, хотя в целом посыл понятен – от повсеместного изобилия разномастных царевичей, окруженных мамушками, нянюшками и падающих в обморок от необходимости пить карамельный кофе вместо миндального. Поневоле научишься самой от всех отбиваться. Я несколько раз моргнул, Василиса моргнула мне в ответ.

– Тяжело тебе там, в отделении, да еще на перевязках, куча мужиков раненых, все орут, матерятся. Как ты оттуда с такими ясными глазами выходишь?

– Ногами выхожу, я там второй год уже, привыкла, раньше совсем тяжело было, сейчас втянулась. А ты почему так дернулся, когда меня увидел?

– От неожиданности. Я закружил, подумал: мне бы проводника из местных, повернул голову – и вот ты, выводишь меня, как Добрый Шубин.

– Это кто? – Она смотрела заинтересованно.

– В нашем городе есть легенда о Добром Шубине. Был когда-то на одном из юзовских⁶ рудников коногоном парень, звали Алексей Шубин, тихий был, спокойный, работающий. И вот случилась под землей беда: просмотрели горняки, как канарейка в своей клеточке на спину кверху лапками упала, шахтный газ по забою пошел, смешался с пылью угольной и рванул, обвалил лаву. Алексей тогда с лошадьё под землю спускался, товарищей своих наверх вывозил, всех поднял. Потом спустился вниз, а назад не вышел. Так и остался под землей. Шахтеров о скорой беде предупреждает, говорят, перед тем как лаве осесть в нее несколько раз словно стучит кто-то: тут уже не зевай, хватай инструменты, товарищей и на ленту прыгай, целым на-гора и выедешь. В общем, ты, как Шубин, очень вовремя мне на помощь пришла.

– А я смотрю и ничего понять не могу, ты кругами, как по лепесткам от ромашки, ходишь-ходишь, а прийти не можешь, пришлось нагонять тебя.

Мы остановились рядом с небольшой полянкой, с одной стороны которой стояли несколько дубов без листвы, с другой стороны были старые скамейки с высокими деревянными спинками, на которых чинно расселись галки, вороны и голуби.

Василиса сунула руку в боковой карман рюкзака и достала пакет с измельченными сухариками.

– Я люблю кормить птиц, они так радуются угощению, вот, попробуй. – Она протянула мне пакет.

Взяв сухарики в ладонь и слегка размахнувшись, веером от себя бросил их птицам, и в тот же момент полянка ожила.

Голуби, сбившись в стайку, отгоняли крикливую ворону, воробьи, подкравшись боком, старались ухватить крошки и улететь с ними. Василиса взяла сухари и стала разбрасывать их в разные стороны.

⁶ Юзовка – первое название современного Донецка. (Примеч. ред.)

– Наголодались за день, пусть клюют, а то морозы скоро наступят.

Минут через десять, когда птицы обступили нас кругом, сухари закончились.

– Пойдем, хорошего понемногу, – улынулась она.

– А долго еще идти нам?

– Почти пришли, сейчас за угол свернем, ты там его сразу и увидишь, я тогда дальше пойду, а ты к мечте своей.

Через пару минут и три сотни шагов, завернув за угол, я увидел нос и трубы крейсера.

– Все, дальше сам. – Василиса смотрела в глаза, стоя в шаге от меня.

Я механически сунул руку в карман моей походной сумки, достал магнитик с шахтером в каске, похожей на абажур старой лампы, который держал в вытянутой руке огромный кусок угля, и, взяв Василису за руку, вложил магнитик ей в ладошку.

– Спасибо тебе, прости милосердно, наговорил глупостей, не держи зла.

Василиса едва уловимым движением сбросила с плеча рюкзак и, достав кусочек плотного картона, протянула его мне:

– Это тебе, на память о нашей прогулке, видишь, у тебя сегодня день особенный, твоя давняя мечта сбудется, и я за тебя рада. Вернешься назад, и пусть все с тобой хорошо будет. А навигатор поменяй, странный он у тебя.

Абсолютно неожиданно она шагнула ко мне и совсем как своего обняла, прижавшись к бушлату.

– Все, пора тебе, иди, а то корабль свой посмотреть не успеешь, – развернулась и быстро зашагала прочь.

Отойдя почти до самого поворота, она повернулась, помахала мне и юркнула за угол какого-то исторического здания.

Я наконец-то взглянул на открытку, которую она мне подарила: на окне, выходящем на набережную у моста, где мы проходили, изящная кошечка играла с луной и поглядывала на худенькую девушку в пальто и шляпке, что смотрела в темную воду.

Никаких выходных данных на открытке не было. Может, она художница?

IV

Остаток пути я прошел быстрым шагом.

Крейсер был именно таким, каким я его себе видел в детстве, – серый, с выдающимися вверх трубами. Корпус напоминал старинный утюг, которым бабушка, случалось, разогрев на печке, гладила мой костюм для выступления.

Перед крейсером с обеих сторон от трапа расположилось отражение противоборствующих сторон истории нашего Отечества. Справа ближе всего ко мне был император Петр Первый, рослый молодой мужчина с открытым улыбчивым лицом, в огромных ботфортах со шпорами, напоминавшими скорее зацепы для альпинистов, треуголке, почему-то отороченной мехом, и зеленом камзоле с кружевами на обшлагах рукавов. Из-под ботфортов виднелись обтягивающие ноги блестящие чулки, в которых в такую погоду наверняка было просто невыносимо холодно. На лице императора красовались совершенно чапаевские, кавалерийские усы, лихо подкрученные кверху.

Рядом, укутавшись в накидку из фальшивого меха и натянув поплотнее напудренный парик, жались Екатерина Вторая, за ней, спрятав кисти в карманах тонкой, кажется, курсантской шинели, перепрыгивал с ноги на ногу Николай Второй, демонстрируя полную непригодность монархии к уличной жизни и заработкам.

Слева уверенно топали вооруженные макетами винтовок и бутылочными гранатами, увешанные лентами с патронами революционные матросы с гротескным комиссаром в кожаной

куртке с ремнем, на котором висел маузер в деревянной кобуре, в галифе с синими лампасами и отчего-то в буденновке с огромной красной звездой.

Я подходил к кораблю справа и скоро поравнялся с первым императором всероссийским.

– Вы ко мне? – услышал я пушечный бас.

– Никак нет, Ваше императорское величество, – машинально выдал я, приняв самую что ни на есть правильную строевую стойку.

– Тогда приятной экскурсии.

V

Наконец-то я на трапе. Иду смотрю под ноги на темную воду Невы.

Резкий порыв ветра развеивает носовой и кормовой гюйсы, «Аврора» – боевой крейсер первого ранга Балтийского флота. Плечи мои сами собой распрямляются, правая рука вскидывается к шапке, и вот я приветствую свою мечту равнением направо.

Вахтенные матросы смотрят на меня сначала с удивлением, на мне зимняя полевая общевойсковая форма, потом с пониманием и, придав себе определенной корабельным Уставом серьезности, отвечают на мое приветствие. Они видят во мне своего, и внутри меня отчетливо бьется ощущение причастности если не к кораблю и его команде, то к тому миру, безвозвратно ушедшему, рождение которого определил залп крейсера.

Мне разрешили то, что не входит в программу посещения крейсера, следующие три часа я перетрогал на крейсере все: катера и шлюпки, обшивку, орудия, перила, оружейные тележки и снаряды, трубы, мачты радиостанций... Мне даже разрешили пройти по мосткам, по которым бегали с носа на корму во время боя. Убедившись, что рядом никого нет, мне разрешили совсем ненадолго подняться на боевую палубу корабля.

Иногда я смотрел за борт, на холодную, темную воду и понимал, сколько мужества требовалось морякам «Авроры», чтобы сражаться на этом небольшом кораблике на открытой воде, где отступать просто некуда.

Холодный ветер и надвигающиеся сумерки вместе с плеском забортовой воды создавали у меня иллюзию того, что корабль скользит по Неве, готовый развернуть основные калибры в сторону приближающегося врага.

Прижавшись к панораме орудия левого борта, я увидел роскошный отель – рядом с ним яркими огнями светился офис банка, владелец которого охотно жертвовал деньги нашим врагам, каждые день и ночь засыпавшим Донецк снарядами и ракетами.

Наверное, из его окон прикованная огромными стальными штангами к бетонным блокам «Аврора» казалась беспомощным осколком погибшего мира, памятником победы мира потребления над миром идеи, вечным напоминанием о том, что борьба за справедливость всегда проигрывает борьбе за прибыль.

Постояв на верхней палубе, посмотрев в прицел того самого исторического орудия, надыхавшись морозным ветром, от которого немели пальцы и щеки, я спрыгнул на основную палубу. Плотно пригнанные друг к другу доски слегка задрожали, и мне показалось, что я неосторожно скакал по спине огромного морского зверя, спрятанная внутри которого, тщательно скрываемая от других мощь способна еще удивить мир.

Тихо ступая, я подошел к двери, за которой была лестница, ведущая вниз. Там на двух палубах был развернут музей, в котором реальные вещи и документы очень органично переплетались с интерактивными панелями.

Технические сведения, постройка корабля, пуск на воду, – все это я осмотрел быстро и как-то вскользь.

Следующий зал, выполненный в багровых оттенках, был посвящен истории крейсера в период Русско-японской войны и последующего периода, включая октябрь тысяча девятьсот семнадцатого.

Я решил снять небольшой ролик детям и принялся на свой лад пересказывать окружающие меня экспонаты.

Для меня принципиально важным было подчеркнуть стойкость русских моряков – экипаж «Авроры» сражался в полностью безвыходной ситуации, корабль был практически окружен превосходящими силами, при этом не было предпринято ни одной попытки отступить или капитулировать. Крейсер горел, оседал, через пробоины бортов поступала вода, но корабль вместе с командой продолжал сражаться.

И в этом эпоха наша повторяла ушедшую. Так же и мой край горел, истекал кровью, страдал от отсутствия тепла, света и воды, оплакивал и хоронил родных и друзей и продолжал сражаться, не допуская даже мысли о капитуляции – все малодушные и предатели, словно корабельные крысы, уже давно сбежали в поисках сытой жизни.

Дождавшись пока я завершу, ко мне тихонько подошла экскурсовод и извиняющимся тоном попросила меня переснять.

– Вы же для детей снимаете, вы там сказали, что «Аврора» под Порт-Артуром сражалась, они ведь так и запомнят, а такого ведь не было никогда, она под Цусимой воевала, видите, вот в боевой рубке капитан, смертельно раненный, продолжает управлять боем.

Под ее сдержанные подсказки переделываю ролик, потом мы идем дальше, Татьяне, так зовут моего экскурсовода, приятен мой интерес к кораблю.

Мир, как известно, тесен, а шар земной имеет форму чемодана, выясняется, что мама Татьяны из Донецка, там до сих пор живет ее тетя, а сама Татьяна во время отпуска привозит в больницы города гуманитарную помощь.

Она без конца расспрашивает меня о жизни в Донецке, о детях, о школах и больницах, жизнь в которых не прекращается ни на минуту. Повернувшись спиной к камере и закрыв ее собой, она, заговорщически подмигнув мне, разрешает потрогать инструменты, личные вещи офицеров и экипажа корабля и даже притронуться к фрагменту пробитого японским снарядом броневое листа крейсера.

В этом есть что-то от детской, не разрешенной правилами, но вполне невинной шалости, Татьяна разрешает мне прикоснуться к моей мечте.

– Спасибо сердечное, не стоит так больше рисковать, чтобы вопросов потом не было.

– Знаете, мы с «Авророй» здесь точно будем, а вот вы... Приезжайте потом, когда все закончится, – она совсем по-домашнему мне улыбается.

Я устал и присаживаюсь рядом с Татьяной на небольшой скамеечке. В иллюминаторы видны огромные штанги, которыми крейсер прикован к своей стоянке.

Отсюда корабль кажется огромным, прикованным к камню героем, способным при необходимости воскреснуть и дать свой последний бой.

Наверное, мне пора, и нужно идти, сохранив внутри теплое ощущение встречи с мечтой.

VI

Рядом с нашей скамеечкой появляется несколько иностранцев в сопровождении молодого гида с волосами, тщательно уложенными гелем в длинные шипы на затылке, отчего голова его кажется мне похожей на морскую мину. На мою форму они смотрят как на диковинку, некоторые украдкой фотографируют, гид что-то смущенно им бормочет.

С английским у меня совсем плохо, даже пленного толком допросить не смогу, но в этом случае и моих знаний оказалось достаточно.

Гид с почтительным придыханием рассказывал, как замечательные, храбрые, героические японские моряки благодаря отличному мастерству и прекрасной выучке чуть было не потопили навсегда символ русской революции, и если бы они тогда стреляли точнее, то сейчас было бы все по-другому, а не это вот (здесь мастер иностранной речи выразительно завел глаза в потолок).

Татьяна понимала английский куда лучше меня, губы у нее начинали дрожать.

– Вот ведь гад! – зашипел я. – Это как репортаж по CNN про героическое украинское наступление, где солдаты и командиры с чудесной выучкой, а победить почему-то не могут, а победить нужно, иначе будет по-другому, но не так, как им хочется.

– Вы только не сорвитесь на него! – Татьяна просительно смотрит на меня. – Будут потом у вас неприятности, а он того не стоит.

Со вздохом я согласно киваю. Гид продолжает свой рассказ дальше, к счастью, большую часть слов я просто не понимаю.

Потом, пока иностранцы фотографировали стенды и экспонаты, я подошел к гиду и на скудных остатках знаний английского языка поинтересовался, откуда он.

Оказалось, москвич, историк, возит сюда экскурсии, специализируется на советском периоде истории России.

– Что же ты на память так гадишь? Тебе что, смузи молочный не в то отверстие ударил? Он смотрит со страхом и непониманием. Злость сменяется у меня тоской.

Повернувшись, я иду к выходу на верхнюю палубу.

– Правильно вы ему все сказали, – догнав меня, шепчет Татьяна, – вот ведь иуда, бывают здесь такие, полчаса походит, а день испорчен. Здесь таких никто не любит, да приходится молча слушать.

Остановившись возле двери, тяну ее к себе.

– Спасибо, – это к Татьяне, – у меня такого подарка никогда в жизни не было, чтобы мечту свою вот так, как живую, ощутить, прикоснуться к ней.

Она гладит меня по плечу:

– Пусть все хорошо там будет, чтобы все живы и невредимы остались.

Снаружи уже темно, ступаю на палубу, иду к трапу, холодный ветер с Невы стегает по лицу, к трапу я подхожу совсем успокоившимся.

Дружески пожимаем руки с матросами, отдаю приветствие знамени и спускаюсь на берег.

Крейсер ярко освещен, людей вокруг совсем мало, имперцы ушли пить кофе в сувенирную лавку напротив, революционные матросы пьют чай из большого термоса и курят при том совершенно буржуазные сигареты с фильтром.

В свете прожекторов крейсер кажется больше, ему прибавляется грозной силы и мощи.

Внезапно я понял, а скорее ощутил, что крейсер – это не жалкий пленник победившего капитализма, не символ проигравшей эпохи и даже не способ заработать денег, изображая из себя историческую личность.

«Аврора» – это символ непокоренного духа нашей страны, готовности держаться, даже зная, что помощи не дождешься, жертвовать собой ради общего дела, терпеливо изо дня в день прилежно выполнять свою работу, не ожидая признания и благодарности, находить время и силы для тех, кто в этом нуждается, прощать невежество и скудоумие и приводить, в конце концов, к мечте и победе.

И я знаю, что видит во сне корабль, когда порывы ветра гонят на его борта пусть небольшие, а все же волны, и предрассветный туман прячет от него спящий город.

Крейсер видит разрывы ракет и снарядов, освещаемую пожарами ночь в далеком краю с необычными рукотворными горами, где почти нет рек и потому туда никак не доплыть, мечущихся людей и мчащиеся машины – красные с белыми полосами и белые с красными крестами, светящиеся окна больниц, окруженных темными сотами опустевших многоэтажек.

А еще корабль видит, как совсем разные люди, даже не знакомые друг с другом, бывавшие на его борту или только выдавшие его на картинках, забывают про отдых и идут в госпитали, везут в далекий край, где идет война, необходимые там грузы, мерзнут в окопах, учат других, как спасти жизнь свою и окружающих, и не ждут за это ничего, потому что считают, что именно так и нужно.

И все они и есть экипаж «Авроры», грозно шагающие патрули мирно спящего крейсера.

Делаю прощальный снимок, внутри легко и радостно, и я понимаю, что дело тут даже не в крейсере, а в тех людях, которые помогли мне притронуться к моей детской мечте и сохранили ее тепло и свет внутри меня.

Я спешу на Балтийский вокзал, нужно выспаться, завтра начинается серьезная учеба, и две недели мне будет не до отдыха, а потом, когда вернусь в Донецк, еще и не до сна.

Один день

Света открыла глаза задолго до того, как должен был зазвонить будильник. Правильно было бы сказать, что она выпала из сна, внезапно и ясно осознав, что за окном темное утро в самом конце ноября, идет дождь, и сегодня у нее суточное дежурство, причем сразу в двух местах – в хирургическом отделении и в «помирайке», как за глаза называли приемное отделение госпитальной базы.

Город уже который месяц жил в водной блокаде, баки котельных постоянно были полупустыми, батареи, по которым циркулировала фантастического синего цвета жидкость, скорее теплились, чем грели, и покидать кокон пухового одеяла совсем не хотелось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.